

В просторной комнате, примыкающей к тому, что с любовью называли «Логовом», Гермиона вместе с профессором Снейпом просматривала свои записи о текущем проекте, терпеливо ожидая прибытия Гарри. Комната была оборудована как кабинет для Гарри и Гермионы, которые использовали ее в основном для изучения обязанностей, связанных с работой директора или администратора Хогвартса. Именно здесь молодая пара сейчас проводила большую часть своего времени; это было их личное пространство, используемое исключительно для деловых целей, и все собрания, не связанные со школой или чем-либо связанным с лордом Волан-де-Мортом или его пожирателями смерти, проводились в их обычном месте внутри логова.

Их офис в основном занимал огромный стол с мягкими стульями, на котором с комфортом могли разместиться до десяти человек. Задняя часть комнаты была полностью занята книжной полкой от стены до стены, большая часть которой была пуста. Гермиона очень надеялась, что к тому времени, когда Гарри возьмет на себя руководство школой и они поселятся в замке, книжная полка будет заполнена. Одна стена была предметом гордости усилий группы - подробная карта замка, способная идентифицировать человека по его магической подписи, привязанной к стражам замка. Гарри и Гермиона настояли на добавлении этой функции безопасности; любой, кто мог войти в их комнату, мог бодрствовать, но только четверо других, профессора МакГонагалл и Снейп, Сириус и Амелия, были способны активировать функции расширенного поиска на карте. Единственным недостатком карты было то, что она не могла эффективно преодолевать маскировку. Он мог, естественно, идентифицировать человека, но если он каким-либо образом маскировался под кого-то еще, независимо от того, был ли он известен или неизвестен кому-либо, тогда они были в недоумении. С помощью Гермионы и работая с замком, Гарри был полон решимости даже прикрыть очевидную лазейку. Какой смысл знать, что злоумышленник был, если вы не можете идентифицировать или раскрыть злоумышленника?

Обсуждение вопроса о найме постоянных сил безопасности было отклонено, поскольку замок считался одним из самых безопасных мест на Британских островах, если не во всем мире. С учетом изменений, которые Гарри внес в защиту замка и разумную природу самого замка, общее мнение заключалось в том, чтобы проголосовать против найма сил безопасности. При необходимости идею можно будет посетить позже.

Гермиона поняла, что это был почти первый раз, когда Гарри делал что-то важное без нее. Мадам Помфри не очень обрадовалась просьбе Гермионы присутствовать в классе, когда мальчикам ее возраста давали страшный «Разговор», который обычно назывался «Птицы и пчелы» для немагических существ или даже «Жезл и кобура». как грубая метафора в волшебном мире. Даже сейчас в ее ушах звенело, когда она думала о страстности в голосе матроны, отвергающей эту кошунственную идею.

«Самая яркая ведьма поколения» никогда не думала, что она романтик в предпубертатные годы, но все изменилось с появлением в ее жизни одного мальчика. Гермиона иногда удивлялась легкости, с которой Гарри входил в ее жизнь, и наоборот, почти как если бы они были парой, женатой на всю жизнь. Для четырнадцатилетней девочки было странно иметь такие мысли, но она не могла не представить свою семейную жизнь с Гарри и огромное удовольствие, которое она должна была доставить им обоим. Ее счастливое состояние было прервано самим предметом ее мыслей у входа в их личное убежище.

Гарри был явно смущен тем, что происходило в классе, и Гермиона не могла не усмехнуться своему парню. Увидев дразнящее выражение на ее лице, Гарри застонал: «... Гермиона!» он заскулил.

Гермиона не могла больше сдерживать свое веселье и расхохоталась настолько, что слезы выступили у нее на глазах. Все это время Гарри видел юмор в ситуации, но не мог заставить себя смеяться, особенно когда он видел эффект, который веселье производило на некоторые части ее тела. Паре всегда было комфортно обниматься и прижиматься к груди, но новые знания и недавно пробудившиеся гормоны сеяли хаос в Гарри.

Чувствуя, что Гарри приближается к состоянию истинного бедствия, Гермиона перестала смеяться над своим женихом. Встав с дивана, на котором она бездельничала, она подошла и обняла своего давнего и лучшего друга. Гарри немного напрягся в объятии, но его естественная непринужденность в общении с Гермионой быстро взяла верх, и он расслабился в объятии. Если он по-новому оценил мягкие контуры своей будущей жены, он оставался джентльменом и не обращал на них никакого внимания.

Пара вернулась на диван, и Гермиона тут же прижалась к нему. "Давай, Гарри!" ... Она обратилась к Гарри, намереваясь предотвратить неловкость, которая могла возникнуть после того, что должно было стать очень подробным и очень неловким разговором со школьным целителем. Гермиона была уверена, что было несколько наглядных пособий, и могла определенно понять смущение, которое мог испытать Гарри, находясь с ней в тесном контакте: «... мы говорили об этом в Марселе, и я подумал, что мы оставили всю неловкость позади».

Гарри не мог отрицать, что забота о Гермионе в неудобное и, по ее собственному признанию, болезненное время месяца, должно было быть намного более неловким, чем то, что он чувствовал сейчас. «В то время я намеревался позаботиться о тебе, Гермиона, и моя забота не позволяла мне думать ни о чем другом. Теперь...» он вздохнул, «... теперь у меня есть лицо, которое может сочетаться с графическими изображениями и комментариями мадам Помфри».

Чувствуя, что Гермиона вот-вот прервет его, Гарри крепче сжал ее и продолжил: «Я люблю тебя, и мне нравится быть с тобой. Мысль о замужестве и детях с тобой ... это мечта, которую я с нетерпением жду, чтобы осуществить многие. раз больше ". Гарри сделал паузу, чтобы отвлечься от лекции мадам Помфри, и посмотрел на красивую молодую женщину в его руках: «... пожалуйста, дай мне когда-нибудь, дорогая. Обещаю тебе, что я буду вести себя хорошо».

Гермиона позволила ему сорваться с крючка, но все же не смогла удержаться от поддразнивания: «Просто вспомни это чувство, которое ты испытываешь, когда моя очередь читать лекцию». Пара тихо усмехнулась и просто расслабилась в довольстве, предложенном их избранным партнером.

Через несколько минут Гарри осторожно оттолкнул свою девушку от себя и жестом указал на заметки на столе перед ними: «Что у вас есть для меня?»

Это больше всего на свете вывело их умы из пресловутой канавы. Гермиона разочарованно фыркнула: «Я хожу по кругу, у меня начинает кружиться голова», - простонала она, когда Гарри сочувственно похлопал ее по спине. «Все шло так гладко, что я подумала, что это будет легкая прогулка. С помощью наших друзей из Оксфорда и Кембриджа нам даже удалось идентифицировать большинство компонентов в обезболивающих и снадобьях для восстановления мышц...» Гермиона шла по пятам, от попыток контролировать ее досаду. Она не привыкла к неудачам; и с участием Гарри им удалось добиться успеха в большинстве вещей, которые они намеревались сделать, но распаковка компонентов зелья для определения одного активного и наиболее важного ингредиента оказалась чрезвычайно труднодостижимой.

«Я знаю, дорогая, я тоже посмотрел на все записи, со всех возможных сторон», Гарри обнял ее и начал гладить спину успокаивающим жестом, чтобы успокоить ее явное возбуждение.

Гермиона не могла оставаться сердитой на такие действия и достаточно успокоилась, чтобы выйти из своего удобного положения и взять шпатель, чтобы просмотреть ее еще раз. Гарри потерял свою мысль, наблюдая за интенсивной концентрацией на его обреченном лице, и начал теряться в ее ангельском лице, и ему пришлось принудительно подняться для серьезного обсуждения.

Его собственное подозрение укоренилось гораздо крепче, и Гарри осторожно толкнул простыню обратно на стол: «Гермиона, я начинаю думать, что мы идем неверным путем». Гермиона мило наморщила лоб, и Гарри пришлось поцеловать свою очаровательную девушку. «Мы знаем, что аллопатический способ лечения, к которому мы привыкли, больше похож на современную медицину. Чаще всего ни одно соединение не используется для нацеливания на конкретную или набор аналогичных целей. Однако существует множество традиционных способов лечения ... Многие древние обычаи ». Затем он начал перечислять их на пальцах: «... Китайская медицина, Аюрведа из Индии, Унани, и мы действительно знаем о... травниках эпохи регентства...»

«Древние тексты римско-греческой традиционной медицины», - согласилась Гермиона.

Гарри кивнул в знак согласия, он мало знал о традиционной медицине, но все эти способы лечения были очень хорошо известны и даже приняты в Англии и Америке. «Эти лекарства лечат все тело, а не только болезнь».

Гарри и Гермиона сидели в молчании, пытаясь придумать, как это новое осознание могло бы вписаться в схему вещей. «Похоже, что «Искусство приготовления зелий» действительно имеет некоторое сходство с традиционной медициной», - размышляла Гермиона.

«Дело не только в этом, дорогая», - вмешался он, внезапно осознав, что «они такие же... если не расходятся в какой-то момент, по крайней мере, происходят из общего источника. Магия могла бы просто добавить...» он пожал плечами, «Я не знаю. знаю ... немного магии ». Гермиона весело улыбнулась своему будущему мужу, который согласился на это.

"Ага!" Гермиона обеспокоила нижнюю губу и попыталась объяснить этот факт: «... хотя

приготовление зелий не является точной наукой, всегда есть правила, которым нужно следовать».

Гарри согласился с тем фактом, что каждому студенту, который переступал порог в классе профессора Снейпа, внушали: «Может, нам лучше найти точки соприкосновения в каждой паре зелий. химический состав зелий может быть плохой идеей ».

Пара начала рисовать свежие планы для своего проекта. Вообще говоря, приготовление зелий практически не изменилось с самого начала. Помимо собственно изготовления, компоненты также не претерпели особых изменений; С самого начала была масса новых зелий, большинство из которых было сделано самим Мерлином, а затем Хельгой Хаффлпафф. Со временем эти зелья были приняты в том виде, в каком они были, и лишь несколько мастеров зелий пытались модифицировать их, основываясь на местных материалах, а не на экзотических ингредиентах, которые нужно было импортировать. В основном это было стремление к удобству, а не реальная потребность или стремление разработать, даже улучшить существующие зелья.

В современную эпоху обстоятельства и жадность вынудили бесконтрольно охотиться на магических существ, таких как Единороги, Драконы, Гиппогрифы и многих других, за их части, которые являются бесценными компонентами зелий. Нехватка таких редких компонентов, а также поддержка черного маркетинга привели к сокращению предложения и росту цен, что вынудило многие магические министерства и отдельных мастеров зелий искать альтернативы.

Воодушевленный необходимостью и доступностью таланта, Снейп, признанный передовым экспертом в зельях после Хаффлпаффа, взялся за деконструкцию зелий, сделанных из незаменимых, но дорогих и малодоступных ингредиентов. Если бы можно было идентифицировать основное соединение, то неисчерпаемый набор очищенных соединений, доступных в немагическом мире, вероятно, можно было бы успешно использовать с базой для зелий.

Однако более трех месяцев упорной работы Гарри и Гермионы привели к неоспоримому выводу, что зелья никогда не могут быть разбиты на отдельные компоненты, составляющие окончательную смесь. Может быть, дело было в магии, или просто в природе приготовления и ингредиентов, лучшее, что пара могла сделать, - это разделить зелье на части и определить ту часть, которая содержала подходящую среду для лечения.

«Если мы сможем удалить часть, которая может мешать действию другого зелья, тогда можно будет смешать их...» - размышляла Гермиона. Ее глаза загорелись игривым возбуждением. «Что-то вроде того, что« одно зелье в день удерживает целителя »», - она хихикнула от волнения и, вероятно, от некоторого облегчения.

Гарри закатил глаза на выходки своей девушки; они не были наивны, полагая, что от всего можно будет избавиться чудом. Ньютон правильно сказал: «На любую реакцию есть равная и противоположная реакция». Даже если бы им удалось смешать два противоположных зелья, чтобы получить выгоду от них обоих в одном, что в противном случае затруднило бы действие друг друга или, что еще хуже, нейтрализовало бы другое, они никогда не смогли бы

предсказать, будет ли новое полученное зелье. внести свою долю осложнений. По крайней мере, если ничего полезного из такого упражнения не получится, Гарри и Гермиона были полны решимости устранить бич всех лекарств - ужасный вкус.

Хотя работа, которую они выполняли, была в основном рутинной и монотонной, пара была благодарна за одно; такое предприятие в немагическом мире потребовало бы огромного капитала и лет, а то и десятилетия кропотливого труда. Чаще всего они включали тестирование соединений на животных, в первую очередь, после того, как они вызвали травму или болезнь. Здесь, в Хогвартсе, с помощью небольшого преобразования для создания реалистичной модели человека и набора рун, имитирующих болезнь или травму, они смогли невероятно сократить расходы и время.

Им предстояло пройти еще очень долгий путь, но это было начало, и тоже очень хорошее.

Сцена перерыв

Адриан Джонс, член британской делегации в Министерстве магии Франции, был в ярости. Семья Джонсов не была дворянской или почитаемой семьей, но была довольно древней. В их наследии были только чистокровные, и если им приходилось даже жениться на своих кузенах, они делали это только для поддержания чистоты своей крови. Сама его жена приходилась ему троюродной сестрой и росла с ним в отцовском доме; теперь она подарила ему их единственного ребенка, дочь. Адриан не мог любить свою дочь больше, чем сейчас, но он все еще был опечален тем фактом, что их долгая история закончилась с ним из-за отсутствия наследника мужского пола, который мог бы продвинуть свое имя.

Если бы он присмотрелся к представителям предыдущих поколений, он бы увидел тревожную тенденцию к уменьшению количества потомства. Почти у всех предыдущих поколений был только один ребенок, к счастью, был хотя бы один ребенок мужского пола, поэтому отсутствие каких-либо других детей игнорировалось. Спросите любую из более либерально мыслящих семей, и они ответят, что это произошло из-за отсутствия какой-либо новой крови, приносящей столь необходимую жизненную силу.

Многие другие древние семьи, такие как Боунс, Лонгботтом, Гринграсс, МакАртур и всегда рыцарский Поттер, никогда не имели чистокровных в качестве Хозяйки дома более трех поколений подряд. Они, вероятно, не признали бы этого или, возможно, даже не знали бы об этом, но это вливание новых генов было тем, что поддерживало интеллект, силу и магическую силу выше, чем у большинства других семей. Они также были очень немногими из самых успешных семей и поднялись до положения дворянского дома. Именно эта магическая доблесть, вероятно, побудила темного лорда Волан-де-Морта в первую очередь нацеливаться на такие семьи и уничтожить большинство членов, даже с их очень богатой историей и качествами, необходимыми для процветания волшебного мира.

Среди древних семей было в значительной степени негласное правило - не переманивать чужие навыки или, если они имеют те же самые черты, на территорию других финансовых операций. Такой порядок гарантировал, что каждый получит свою долю работы и будет зависеть от других в повседневных делах. Благодаря такому устройству экономика в целом

процветала, и споров было минимум. Поскольку британское магическое общество предпочитало быть изолированным и в основном исключало людей из других стран, такое соглашение имело первостепенное значение для дальнейшего выживания.

Этот структурированный, если не жесткий образ жизни оставался неизменным на протяжении столетия, и если более традиционалисты древних домов отклонялись от своих predetermined областей знаний, другие в значительной степени прощали их.

Традиционалисты уважали это обязательство только на словах, а не полностью в его духе. Они всегда жаждали денег и власти больше, чем доброго имени, что было единственным аспектом, который возвысил некоторые семьи до статуса «Древнего и благородного дома», и поэтому оставили традиционалистов в частном порядке возмущаться несправедливостью. Люди из домов Нотт, Паркинсон, Макнейр, старше, но беднее Малфоя, не сдерживали себя, чтобы помогать из чужой казны, если им предлагалась такая возможность. В наши дни можно сказать, что их основные средства к существованию зарабатывались таким образом, при поддержке процветающего черного рынка и шантажа, иногда использованный материал был даже лет. Сменявшие друг друга министры смотрели в другую сторону, а не пытались пресечь такую неэтичную практику, поскольку виновные сами были частью министерства.

Благородные семьи никогда не беспокоились о том, чтобы противостоять таким тонким и часто вопиющим проступкам, поскольку они не хотели навязывать свою волю другим, не то чтобы это останавливало традиционалистов. Пока их собственные семьи придерживались своих убеждений, благородные семьи были довольны миром, предлагаемым временем. Отсутствие каких-либо последствий для их поступков толкало традиционалистов дальше, но они старались не переусердствовать и не навлечь на себя гнев всего мира.

Таковы были нити, закрепляющие неизменный мир в волшебном мире, но все изменилось с прибытием одного человека, лорда Волан-де-Морта. С его заявлениями о том, что он является прямым потомком Салазара Слизерина и раздвоенным, но сладким языком, он смог мобилизовать традиционалистов против остальной части волшебного мира, используя старого парня-падальщика для всех раздоров, следующую трапезу на столе.

Увеличение числа маглорожденных в течение 50-х годов положило начало падению судьбы тех, кто не смог приспособиться к неизбежным изменениям. Обладая новаторским мышлением и, чаще всего, превосходным интеллектом, маглорожденные начали оставлять свой след в волшебном мире, уменьшая популярность и казну давно укоренившихся семей. Значительная часть британского волшебного мира во главе с аристократическими семьями приняла изменения, приветствуя новые дополнения. Это были жесткие традиционалисты, которые оказались в стороне от пустых кассовых ящиков и устремились под знамя лорда Волан-де-Морта.

Адриан Джонс происходил из семьи мастеров чародейства. Их умение создавать очень художественные и ценные предметы коллекционирования было хорошо известно. Уникальная и со вкусом оформленная презентация делала такие предметы довольно дорогими, однако их фактическая полезность была ниже номинальной. Как и большинство произведений искусства, предметы, сделанные семьей Джонсов, не были достаточно прочными для повседневного использования и поэтому заставляли своих клиентов покупать больше, чем было необходимо. Это имело счастливый побочный эффект - они загребали прибыль.

Увеличение притока маглорожденных в волшебный мир также означало, что они принесли с

собой столь необходимую практичность и новаторство во все, что они делали. Бизнес или навыки, которые раньше были ограничены лишь несколькими семьями, больше не были исключительными. Серьезная конкуренция и, что более важно, низкая цена и долговечность большинства зачарованных предметов угрожали правлению многих старых чистокровных семейств, таких как Джонс, которые были достаточно упрямы, чтобы сопротивляться переменам. К сожалению, это было время, когда один человек, лорд Волан-де-Морт, решил, что волшебный мир должен быть его пешкой и распространять его клеймо геноцида.

Нынешний глава дома Джонсов Адриан вернулся к своему наследию в ночь кровопролития. Его дед, который в то время был главой, и его отец, наследник, были убиты в результате нападения на магловское заведение, которое по приказу темного лорда должно было стать местом для засады. Нападающая сторона была застигнута врасплох сильным присутствием полиции, готовившей свои баррикады для королевской семьи, чтобы пройти по этому маршруту на следующий день, и уничтожила пожирателей смерти с крайними предубеждениями.

Будучи главой семьи и не имея наследников мужского пола, Адриан имел привилегию пропустить набеги пожирателей смерти, которые последовали после неудавшегося рейда, и если все знали, что его явное отсутствие боевых способностей было главной причиной, они были достаточно вежливы, чтобы этого не делать. обидеться. Это также было причиной, по которой он был доволен тем, что остался в стороне и снабдил своего хозяина всеми необходимыми зачарованными объектами, такими как нелегальные не отслеживаемые портключи и, когда это было необходимо, проклятые объекты.

Это негодование против маглов распространилось и на маглорожденных, поскольку новоприбывшие в волшебный мир быстро нарушили непризнанное эмбарго на овладение более чем одним навыком. Обладая ярким воображением и вдохновляясь немагическим миром, маглорожденные доминировали в небольшом производственном секторе, вызывая гнев таких людей, как Адриан Джонс. Это усугублялось тем фактом, что Адриан не был достаточно умен, чтобы импровизировать, адаптироваться к изменяющейся среде и привнести новизну и инновации в свою профессию. Несмотря на то, что он по-прежнему имел комфортный доход от своих постоянных покровителей, угроза резкого сокращения расходов начинала становиться реальностью.

Адриан полагался в основном на старинные рисунки и техники гравировки, усовершенствованные его предками, и его собственные посредственные знания в этой области побудили его придерживаться их. Это было причиной того, что для него было шоком, когда он услышал о популярности «Мальчика-который-выжил» и его «Гармонианских магов».

Люциус Малfoy и другие отмахнулись от этого, как от рекламного трюка Гарри Поттера. Было ли это просто так или чем-то более существенным, Адриан никогда не хотел знать. Единственное, что для него имело значение, это то, что новое предприятие врезалось ему в карман, причем довольно глубоко. Он начал вкладывать большие средства в черный маркетинг редких предметов, чтобы компенсировать потерю бизнеса. Вдобавок к этому, он каким-то образом был пойман мадам Боунс, а затем вынужден был дать клятву никогда не нарушать закон и не поддерживать темного лорда. Он знал, что лорд Волан-де-Морт мертв, и поэтому был счастлив только дать клятву своей магии, но сделка о том, чтобы не нарушать закон, вместо этого сломала его бизнес. Он был уверен, что «Harmonian Magiks» был ответственен за создание артефакта, который вызвал его к главе DMLE. Это буквально вырвало его из дома, и

это тоже с его темной меткой. Адриан не мог предотвратить ледяной ужас, который он все еще испытывал, думая о преимуществах «светлой стороны», особенно такой грозной женщины, как Амелия Боунс и Дамблдор, с его связью с мальчишкой Поттером. Если так будет продолжаться, он опасался самого своего существования, ему нужно было что-то сделать, чтобы избавиться от них всех; но в то же время он ничего не мог с этим поделать, поскольку сама его магия противодействовала его воле.

Затем произошло чудо, и он удобно приземлился у него на коленях. Его контакт в Пожирателях смерти и давний друг Макнейр слышал о министерской делегации, которая должна была встретиться с французскими аврорами, и даже рекомендовал ему быть частью делегации, разъясняя его опыт в том, что они должны были рассмотреть. Адриан даже не знал, зачем он туда идет, за исключением того, что его другу нужна была его помощь в аренде мышц, и он был рад это сделать.

Адриан был чрезмерно внимателен к природе клятвы, навязанной ему мадам Боунс, и поэтому, когда Макнейр обратился к нему за помощью, в которой он нуждался, Адриан позаботился о том, чтобы не проявлять никакого интереса к тому, зачем нужны эти люди, или к типу людей, которые были нужны. Помощь другу, наняв несколько человек для выполнения его работы, не было нарушением закона, и он намеревался свести свое участие в схеме к минимуму. В глубине души он надеялся, что эти люди были наняты, чтобы избавиться либо от мадам Боунс и его жениха Сириуса Блэка, либо от Гарри Поттера и его невесты Гермионы Грейнджер. Он позаботился о том, чтобы эти мысли не запечатлелись в его сознании, благодаря своим посредственным навыкам окклюменции, и был благодарен за то, что добился успеха.

Понятно, что упавшее настроение Адриана сильно пострадало, когда он узнал, что первоклассное защитное снаряжение, которым хвастались французские авроры, на самом деле было разработано Гарри Поттером и его невестой Гермионой Грейнджер лично. Даже разъяренный пожиратель смерти должен был признать, как бы неохотно это ни было, что они были высшего качества и что что-то меньшее, чем фатальное проклятие, защитит авроров и даст им свободу адекватно отомстить угрозе. Его восхищение быстро переросло в гнев, потому что он знал, что единственной целью визита была оценка товаров и их полезность для британских авроров.

Адриану Джонсу было ясно одно: если пожирателям смерти или их друзьям суждено выжить, то «Мальчик-который-выжил» и его окружение - нет. Он был еще более полон решимости выполнить задание, данное ему Макнейром.

Незначительный перерыв

Сидя в немагической части захудалого бара в центре Парижа, Адриан Джонс размышлял о человеке, которого он должен был встретить через несколько минут. Генри Байрон был его одноклассником в Хогвартсе и, хотя он был полукровкой с отцом-маглом, был одним из очень немногих пожирателей смерти без опознавательных знаков. Его непринужденность в немагическом мире и связи с выдающимися людьми в канцелярии премьер-министра вызвали у этого человека расположение к лорду Волан-де-Морту.

Первоначально Генри был польщен уникальным отличием, которое ему продемонстрировал грозный темный лорд. Он тоже был полон энтузиазма, чтобы выполнить его приказ, но, поскольку реальность быстро вошла в его сознание, Генри был встревожен. Атака, унесшая жизни старшего Джонса, заключалась в первую очередь в том, чтобы сместить премьер-министра, когда он сопровождал королеву на открытие выставки в Британском музее. Хотя Королева не была включена в план, ее смерть была бы не менее радостной для темного лорда.

В ужасе от осознания того, что он сыграл важную роль в попытке дестабилизировать британский немагический мир, Генри изо всех сил старался дистанцироваться от пожирателей смерти. К счастью, на нем не было опознавательных знаков, что давало ему свободу передвигаться по своему усмотрению, и когда ему предложили отправиться во Францию, чтобы заручиться поддержкой темного лорда, Генри с радостью ухватился за это. Вероятно, ему было выгодно то, что лорд Волан-де-Морт был убит в течение нескольких дней после того, как он ступил во Францию. Это было все, что ему нужно, чтобы спокойно жить своей жизнью, и до сих пор он добивался успеха.

Адриан посмотрел на сидящего напротив него удивительно мягкого гиганта. Это был первый раз, когда он встретил своего почти постоянного спутника во время пребывания в Хогвартсе: «Годы были хорошими для тебя, Генри».

Генри Байрон беспокоился о встрече со своим старым другом; он был уверен, что в этой встрече не могло быть ничего хорошего. Он хотел, чтобы его оставили в покое, чтобы прожить оставшиеся годы жизни с женой. «Ага!» он согласился, «жить вдали от Англии было для меня на удивление хорошо».

Они потратили некоторое время на то, чтобы заново познакомиться со своей жизнью, и Генри не мог пропустить скрытую острую негодование против вторжения маглорожденных в деловую сторону волшебного мира. Что еще более важно, Адриан не мог сдерживать кипящего гнева на собственные унижительные средства к существованию, и все из-за выскочки. «Мальчик-который-выжил» действительно победил своего лорда, но каждый из пожирателей смерти считал, что это был просчет лорда Волан-де-Морта, а не какое-либо величие мальчика или его родителей. Возможно, это было так, но на самом деле тот же мальчик теперь угрожал чистокровным, либо клятвой, к которой, как был уверен Адриан, принудили большинство обидевших пожирателей смерти, либо прямым ударом им в живот. Пора было закончить то, что их хозяин не смог, и первый шаг должен был быть сегодня вечером.

Адриан мрачно улыбнулся своему другу: «Генри, тебе пора удовлетворить нужды нашего хозяина».

Глаза Генри Байрона на мгновение расширились, но он быстро превратил себя в маску полного безразличия, что было верным признаком того, что пожиратели смерти были готовы к этому. Мысленно Генри был напуган, а сердце сжалось при мысли о том, что его снова бросят на войну, но он молился о выходе из этой неразберихи. "Мастер вернулся?"

«Еще нет, - вздохнул Адриан, - мы прокладываем ему путь».

Генри понял, что у лорда Волан-де-Морта не было возможности снова терроризировать мир, пока Гарри Поттер и его сторонники были рядом. Генри не был уверен, было ли это чем-то связанным с темным лордом или просто с каким-то действительно разгневанным пожирателем смерти, который немного отомстил за свои потерянные ресурсы. Это могло означать только то, что будет совершено покушение на «Мальчика-который-выжил» или на кого-то из его близких. "Сколько вам нужно?" он спросил.

Адриан был доволен, в конце концов, он был склонен быть доволен своим другом. «На данный момент десять. Я дам вам знать, куда идти, когда придет время».

Генри кивнул в знак признательности. Если он не знал, куда идти, то предупреждать британские власти или даже главу DMLE нельзя. Он никогда не мог удержаться от того, чтобы испортить тот день, когда его соблазнил сладко-сладкий, но раздвоенный язык лорда Волан-де-Морта, но теперь он был намного острее.

«Мне нужно время, чтобы быть осторожным», - осторожно попытался Генри.

Адриан, не задумываясь, согласился: «У тебя есть время до недели до Рождества».

На этот раз глаза Генри загорелись удовольствием, но не по той причине, на которую Адриан ожидал или надеялся. В то время происходило только одно крупное мероприятие, на котором должен был присутствовать его начальник во французском министерстве иностранных дел. Теперь ему было чем заняться.

Рано утром на следующий день Генри Брайон выполнил свой долг чести, сковавший его. Он пошел облегчить свое бремя с человеком, который дал ему убежище, когда он больше всего нуждался, много лет назад, Пьером Делакурром..

<http://tl.rulate.ru/book/74732/2099809>